

Вероника Киреева

Пеньюар

сборник рассказов

Вероника Киреева

Пеньюар

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17189742

ISBN 9785447447335

Аннотация

Маленькие истории, замешанные на свежих эмоциях, неподдельных чувствах, ярких переживаниях, похожи на мягкие бисквитные коржи, пропитанные восхитительно-нежной иронией и глубоким пониманием того, что скрывается в клеточках человеческой души.

Содержание

Краски	5
Вот оно, счастье!	20
В тишине	22
Внутренний голос	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Пеньюар
сборник рассказов
Вероника Киреева

© Вероника Киреева, 2016

© Вероника Киреева, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Краски

Как-то все быстро происходит, я не успеваю понять. В марте познакомились, в мае решили пожениться. А с другой стороны что ждать? Сколько можно ходить кругами?

Да и как узнать человека, тем более женщину? Быть может, она сейчас такая добрая и покладистая, не спорит, не злиться, не выкрикивает ругательства, а женись? Сразу начнется! И посуду бить будет, и ругаться, и вещи обнюхивать. А ты только смотри на нее и удивляйся.

Все они до свадьбы хорошие, и промолчать могут и вид сделать, что ничего не случилось, и не заметить дыру на носке. А как только кольцо на пальце появится, можно, наконец, все сразу же заметить, всё тут же сказать. А что стесняться?

Да мне тревожно, я запутался весь! То мне кажется, что Галя прекрасна, и ей можно доверять, то вдруг начинаю сомневаться, и мне кажется, что она от меня что-то скрывает, что-то не договаривает. А мы еще не женаты! Что будет дальше? Я записки буду находить в халате? Буду проверять, что у нее в сумке?

Буду красться за ней по переулкам, подслушивать телефонные разговоры, вырывать бутылку из рук? Прекрасная жизнь! Так надо сейчас всё понять, пока еще не поздно. Но как? Придти к ней домой и посмотреть, что у нее в шкафах творится, что лежит под кроватью. Заодно с мамашей

познакомиться, может, она что скажет?

Может, у дочери двойки были по математике, и она прогуливала уроки, а потом сбежала из дому, и ее три дня искали с собаками? Да все может быть!

– Галя, – говорю, – мне нужно познакомиться с твоей мамой, взглянуть на фотоальбомы...

– Ой! – восклицает Галя. – Мама будет очень рада, Валера! Она испечет свой фирменный пирог, а я найду свои школьные фотографии, я там такая смешная...

Пришел я к ним в гости, мамаше цветы подарил, а она сразу же расплакалась, стала говорить о красоте каждого лепестка. Тут Галя прибежала, давай нас знакомить.

– Мама, – говорит, – это Валера, я тебе о нем много рассказывала. Валера, это моя мама Маргарита Петровна.

– Дети мои! – вдруг восклицает мамаша и бежит на кухню, доставать пирог из духовки.

Галя поняла, что еще не сняла бигуди, тут же закрылась в ванной, а я стал ходить из комнаты в комнату. Может, думаю, у Гали болезни хронические или припадки по ночам? Или у неё в родове были пьяницы? А может она вообще неряха, каких свет не видывал и мне самому придется полы мыть?

Смотрю по сторонам, вроде чисто. Вязаные салфетки, поди мамаша вязала. На окнах цветы, на стене фотографии, в серванте рюмки с фужерами. Так, наверное, они выпивают по вечерам, а потом в карты сидят, играют. Вот семейка! Тут

Галя прибегает, на ней фартук в горох, на голове кудри развеваются в разные стороны.

– Валера, – говорит она и берет меня за руку, – мы должны сказать маме о нашем решении.

А я ничего еще не решил! Да я даже в шкаф еще не заглянул, не увидел, что там творится. Еще даже под кровать не залез, а может, там как раз ничего нет! Галя не читает, не размышляет над прочитанным и как с ней жить?

– Дети мои! – восклицает Галина мамаша, прибегая из кухни. – К счастью пирог не подгорел. Валера! – она посмотрела на меня. – Я должна рассказать тебе о Галочкином отце. Я должна! – она достала фотоальбом и стала листать страницы. – Вот, это Галин папа, – она ткнула пальцем в какого-то кудрявого мужика с гитарой в руках.

Я смотрю, а это сосед мой с пятого этажа. Только на фотографии он с шевелюрой и без усов.

– Гриша прекрасный человек! – говорит Галина мамаша. – Просто прекрасный! – тут ее глаза стали наполняться слезами. – Он возвращался из командировки, а это было зимой, видимость была плохая, и им не хватило топлива, чтобы долететь до посадочной полосы, – она стала с шумом высмаркиваться в полотенце, висевшее на плече. – Мне позвонили, говорят, ваш муж трагически погиб в горах. Туда никак не добраться, их похоронят зайцы. Так и сказали.

– Мама! – Галя не выдержала и кинулась утешать свою безутешную мамашу.

– Постойте, – говорю я, вглядываясь в фотографию. – А это не Космодромов ли Григорий Михайлович?

– Именно он, – говорит мамаша сквозь слезы. – А какая фамилия! Космодромов! Но мой Гриша не в горах, нет! Он здесь! – она положила руку на грудь. – Здесь! А как он на гитаре играл, какие писал стихи! Сейчас так никто не пишет...

– Мамочка, – говорит Галя, – а у нас для тебя есть прекрасная новость! – тут она посмотрела не меня.

– Да! – чуть ли не вскрикиваю я. – Маргарита Петровна, ваш муж живой!

– Не утешайте меня, – в рыданиях говорит Галина мамаша. – Я давно смирилась с этой потерей...

– Мама! – торжественно объявляет Галя. – Мы с Валерой решили пожениться.

– Дети мои! – восклицает Галина мамаша. – Как же я рада за вас, Господи! – она снова начала плакать. – Это надо отметить, – она стала доставать из серванта бокалы. – Как же я буду жить без тебя, доченька?

– Ты будешь приходить к нам в гости, – успокаивает ее Галя. – Правда, Валера?

А я вообще еще не понял, хочу ли я жениться на Гале? Тем более что ее папаша пьет портвейн и потом играет на гитаре.

– Как же вы меня обрадовали! – радуется мамаша. – Пойдемте на кухню! Ой, ну надо же! Счастье-то какое! А мне сон вчера снился, будто я прилетела из Санкт – Петербурга и у меня в руках чемодан. И что вы думаете? – она протянула

мне бутылку с шампанским. – Я смотрю, и вижу, что чемодана-то нет! Есть только ручка. Как радовался бы твой отец сейчас, доченька, – она посмотрела на Галю. – Как был бы он счастлив!

– Так я скажу ему, – говорю я, открывая шампанское.

– Мы еще не говорили Валериним родителям, – говорит Галя. – Для них это тоже большая новость, а свадьбу мы хотим сделать в мае или в июне...

– Не могу поверить! – Галина мамаша закрыла лицо руками. – Моя девочка выходит замуж! Давайте выпьем! – она подняла бокал. – Выпьем за то, чтобы вы жили долго и счастливо! А где вы будете жить?

– У Валеры, – как ни в чем не бывало, говорит Галя и кладет на мою тарелку кусок пирога.

– Это прекрасно! – мамаша с большим удовольствием выпила и стала раскладывать салаты. – Твой папа был особенным человеком, – сказала она, – и когда он полетел в ту командировку, он как будто бы что-то чувствовал, – тут она достала из шкафа бархатную коробочку. – Он снял свое кольцо и сказал мне, Маргарет. Да, именно так он называл меня, – она вскинула глаза к потолку, чтобы не разрыдаться.

– Но постойте! – говорю я, а мне вообще непонятно, что за спектакль!

Человек живет себе на пятом этаже, а тут такая трагедия!

– Он сказал, – продолжает мамаша, – вот мое кольцо, Маргарет. Я отдаю его тебе, как символ моей преданности и бес-

конечной любви. Быть может, я не вернусь, мое сердце тревожно, в нем так много предчувствий, – она сдержала слезы и продолжила. – Но ты должна помнить, что я люблю тебя, и буду любить всегда.

Тут мама открыла коробочку, и мы увидели два обручальных кольца.

– Примерь, доченька, – мамаша достала свое колечко и протянула Гале.

Та надела его на безымянный палец, и оно оказалось ей как раз!

– А теперь ты, Валерочка, – мамаша протянула мне кольцо Космодромова.

Я надел его на свой палец, а оно моего размера! Как будто бы я только что купил его в магазине.

– Мы отдаем вам свои кольца, – торжественно произнесла мамаша. – Это не просто кольца, – она посмотрела на меня. – В них...

– Маргарита Петровна, – а я не могу слушать этот бред! Как можно жить в таком обмане? В такой нелепой лжи? Я стал снимать кольцо, а оно не снимается! Да я вообще весь вспотел, не знаю что делать!

– Валерочка, – стала успокаивать меня мамаша, – пусть оно будет у тебя. Галочка, снимай свое кольцо, пусть оно тоже будет у Валерочки.

А у меня вообще сомнения! Хочу ли я жить с Галей? А если она как папаша будет пить целыми днями и пить? Тут Га-

ля снимает кольцо и протягивает его мне.

– Храни их до свадьбы, – говорит Галина мамаша. – Это символ любви, которую надо воспитывать и созидать.

А мне вообще не хочется ничего воспитывать, и уж тем более созидать! Какая любовь может быть, если такой обман? Положил я кольцо в коробочку, а сам думаю, как мне кольцо Космодромова снять? Да и зачем я буду носить кольцо обманщика? Кольцо человека, который красиво умер и тут же воскрес?

– Я покину вас на минутку, – я вскочил со стула и направился в ванную.

Намылив руки, я стал снимать это кольцо, а оно не снимается! У меня уже сердце закололо, потемнело в глазах, это же надо! Это что за семейка? Папаша живет в свое удовольствие, мамаша рыдает, дочка вообще хочет замуж!

Да как можно жениться, если мы знакомы всего два месяца? Снял я это кольцо, чуть было палец себе не оторвал, щас думаю, на кухню приду, все им выскажу! Скажу, ваш муж Маргарита Петровна живет себе и хохочет!

Пришел я на кухню, положил кольцо в коробочку, а мне не верится, что такое вообще может быть! Да я вижу его рожу каждый вечер, как он идет мимо меня, еще и в гости зовет.

– Я помню свою свадьбу, – вдруг говорит Галина мамаша, – особенно то утро, когда я проснулась.... Я лежала в кровати и думала, что с сегодняшнего дня моя жизнь станет другой.... На вешалке висело белое платье, фата. Был

июль. Да! – она встряхнула головой. – Я тогда уже понимала, что это навсегда, на всю жизнь.

– Но послушайте! – а мне хочется рассказать, что ее муж вовсе не в горах, а живет и веселиться на пятом этаже. При чем у него нет ни жены, ни детей!

– Я подошла к окну, – с воодушевлением продолжила Галина мамаша, – и вдруг увидела старушку. Она сидела на скамейке в байковом синем халате и смотрела куда-то вдаль. Все еще спали, было часов шесть....

– Надо пойти к нему, – сказал я, разливая шампанское по бокалам.

Ну, так, а что? Женщина страдает, думает, его нет, а он есть!

– Я смотрела на нее, – продолжает Галина мамаша, – и мне так захотелось, чтобы она меня обняла. Просто обняла, потому что в этот день мне так хотелось, чтобы меня кто-то обнял, – тут она на мгновение задумалась. – У меня не было ни родителей, ни родственников, и вот эта бабушка так напомнила мне мою бабушку, что я выбежала из подъезда и под села к ней на скамейку. Я смотрела на ее седые волосы, зачесанные под гребешок, на ее руки, сложенные одна на другую, и мне так захотелось потрогать эти венки...

Я посмотрел на Галю. Ну, вылитый Космодромов! Такие же глаза, нос, уши, только гитары не хватает.

– Утро было таким теплым... Я сидела и слышала, как звенят трамвайчики, – говорит Галина мамаша, – как воздух

наполняется запахом свежее испеченного хлеба, и все внутри меня наполнялось предчувствием чего-то радостного, чего-то необычного, нового....

– Прошу, – я поднял свой бокал, приглашая дам выпить.

Мы со звоном чокнулись, как будто бы у нас Новый Год, при этом Галя мне два раза подмигнула, а я вообще переживаю за гены. Нет ли у нее пристрастия к алкоголю?

– Эта бабушка посмотрела на меня, – говорит Галина мамаша, – вздохнула и говорит, девочка, ой, а мне тогда было всего девятнадцать! У меня были длинные светлые волосы, брови вразлет, свежий румянец, я еще танцевала русские народные танцы, так любила водить эти хороводы!

– Мама...

– Галочка, – мама посмотрела на нее любящим взглядом. – Я очень жалею, что ты нигде не танцевала, это помогло бы тебе с осанкой. У нас был такой чудесный коллектив, мы сами расшивали кокошники.... Ой, ну было же время!

Я посмотрел на нее. Почему? Почему он ушел таким образом?

– Эта бабушка, – мамаша положила мне в тарелку холодец, – взяла меня за руку и говорит, девочка, вчера была гроза, и я сразу же сняла с себя все металлические предметы и выключила телевизор. А я говорю ей, я сегодня выхожу замуж, обнимите меня, пожалуйста. Она меня обняла, я закрыла глаза и вдруг почувствовала от ее халата запах моей родной бабушки. Это было такое чудо... Я как будто бы вер-

нулась туда, где меня любили...

Я посмотрел на нее и вдруг увидел, какие синие у нее глаза.

– Ну что ж вы ничего не едите? – Галина мамаша стала раскладывать в наши тарелки салат. – Галочке нравится с солеными огурчиками, а я привыкла с тертым яблочком... Ну какие великолепные цветы! – она с восторгом посмотрела на букет, который я ей подарил.

– Мамочка, – говорит Галя, – ты можешь приходить к нам в гости. Правда, Валера?

Они обе посмотрели на меня.

– Конечно, – сказал я, и тут же представил, как Космодромов поднимается по лестнице с бутылкой в руке и вдруг встречает свою жену!

Так если Галя будет жить у меня, значит, она первая его и увидит. Но узнают ли они друг друга? А как тут не узнать, если у них одно лицо? От этих мыслей у меня закружилась голова, где же нам жить?

– А может, мы будем жить у вас? – спросил я, глядя на Галину мамашу.

– Валера, – Галя с удивлением посмотрела на меня.

– Конечно! – воскликнула Галина мамаша. – Я буду печь вам блины, а по выходным мы все вместе будем обедать за большим круглым столом, – она улыбнулась, и я неожиданно заметил ямочку на ее левой щеке.

– Мама, – Галя недовольно подняла бровь. – Мы с Валерой

будем жить у него.

А как можно жить у меня, если ее папаша мельтешит перед глазами?

– Давайте пить чай! – обрадовалась мамаша и стала доставать чашки. – У меня есть такое вкусное малиновое варенье!

А я сижу и не знаю что делать? Может, мне не надо жениться на Гале? Я посмотрел на нее. Люблю ли я ее? Да как я могу ее полюбить, если мы встречаемся всего два месяца? Да я даже не знаю, что у нее на уме! Может, она также как папаша отдаст мне свое кольцо и исчезнет навсегда!

И почему он так сделал? Из-за чего? Если бы была другая женщина, то он был бы с другой женщиной, но он один! А может, мне пойти к нему, показать их с Маргарет кольца? Сказать, что я женюсь на его дочери, и она будет жить у меня? Пусть он меняет квартиру, переезжает, в конце-то концов!

– Валера, – говорит Галя, – я хочу показать тебе свою комнату.

– Идите, посмотрите Галочкины натюрморты, – говорит мамаша, – а я пока чай приготовлю. Как же хорошо, доченька, что ты ходила в художественную школу!

А мне только натюрморты разглядывать! Мне уже кажется, что Галя чужой мне человек, и я не хочу на ней жениться, и уж тем более с ней жить! Так она меня за руку схватила и заволокла к себе в комнату!

– Валера, – говорит она шепотом, – ты должен знать прав-

ду. Мой папа жив и передает всем привет.

– Правда? – я сделал удивленные глаза.

– Да! – радостно шепчет Галя. – Я с ним встречаюсь по выходным, мы гуляем по городу, – она усадила меня на кровать. – Он прекрасный человек, добрый, талантливый, сам пишет музыку...

– А как же мама? – а мне непонятно, как можно не жить с такой женщиной?

– А что мама? – она обернулась на дверь. – Мама живет, и пускай себе живет...

– Ты с ума сошла? – а я вообще не пойму, как можно быть такой лживой?

– Да тише ты! Она ничего не должна знать!

– Да конечно! – рассмеялся я. – Муж живет и передает всем приветы, а она считает его погибшим! Так может, ему прийти? Дескать, здрасьте, я пять лет лазил по горам, а теперь вот решил вернуться.

– Пусть он лучше будет в горах, – говорит Галя. – Зато у него творческая активность, он пишет, поет...

– Галя! – а я не могу поверить, что она несет этот бред! – Как ты можешь?

– Валера, – она достала какие-то рисунки. – Посмотри, как я красиво нарисовала.

– Ты что, вообще что ли? – а я будто очнулся!

– Вот здесь я изобразила деревенский дом, – говорит Галя, показывая мне какую-то мазню. – Я еще думала, может

окутать его предвечерней дымкой, такой сизовато-розоватой, тянущейся, как густая патока, а потом подумала, что лучше предрассветный туман, такой...

– Галя, – перебиваю я, – как ты могла?

– Все-таки я думаю, лучше туман, чем дымка, – она посмотрела на меня. – Туман это как бы начало нового дня, предвкушение, а дымка это уже вечер, это вхождение в ночь, в завершение...

– Завершение... – медленно повторил я.

– Иди, Валера, – говорит Галя. – Иди и скажи маме, что папа живой. Давай!

Я поднялся с кровати, а мне вообще нехорошо!

– У меня все готово, – услышал я голос Галиной мамыши. – Чай с травами, с сушеными ягодами... Варенье малиновое, мед с пасеки настоящий, липовый...

Пришел я к мамаше на кухню, сел на стул. А она чай по чашкам наливает, смеется, ямочку мне показывает.

– Маргарита Петровна, – говорю я, – вы присядьте.

– Валерочка, – улыбается она, – я так счастлива, что в этом мире есть ты. Есть этот день, в который мы смогли как-то сблизиться, немножко узнать друг друга, а я так переживала, попробуй варенье, – она протянула мне чайную ложку.

– Я должен вам сказать... – начал я.

– Ты насчет Галочки? – шепотом заговорила мамыша. – Она хорошая девочка, много читает, а как великолепно рисует. Я сама удивляюсь! И ведь она эти картины написала

сидя дома, даже не вышла в лес.

– Я хотел вам сказать, – снова начал я.

– А когда ей было лет восемь, – говорит мамаша, – она смешала все краски, абсолютно все! И как ты думаешь, какой получился цвет?

– Синий?

– Нет, Валера! – мамаша перекинула полотенце с одного плеча на другое.

– Зеленый?

– Нет!

– Красный?

– Черный, Валера! Так она плакала, а потом поняла, что надо смешивать по две краски, ну может по три, давай я тебе еще налью чая, – она подлила мне из чайника кипятка. – Варенье изумительное, и ведь я подумала, что наша жизнь, это тоже краски. Что смешаешь, то и получится.

– Наверное...

– Галочка, иди чай пить, – позвала она Галю. – И ведь добавишь черный, всё сразу же станет черным. Сразу же!

– Я пойду, – сказал я, глядя на часы. – Уже поздно...

– Хорошо, что ты к нам пришел, – она посмотрела на меня своими синими глазами. – Галочка, иди, попрощайся с Валерой.... Не пойму чем она там занимается?

Тут Галя прибегает, руки в краске, лицо в разводах.

– Валерочка, – мамаша протянула мне коробку с кольцами. – Или пусть пока полежат у меня?

– Пусть, – говорю я, а мне тяжело, да я не могу!
Вышел я на улицу, и что мне делать?

Вот оно, счастье!

Нет большего счастья, чем любить! Да я с работы бегу, не могу остановиться! Еще немного, уже почти рядом. Осталась почта, газетный киоск, соки-воды, и я совсем близко.

Ткани, мотылек, парикмахерская, скороход, и я почти дома. Кулинария, аптека, ателье, и снова киоск. Остановка, срочное фото, булочная, рубин... И вот, уже рядом! Продукты, юный техник.... Вижу балкон, простыни, мои трикушки, трусы...

Как же хорошо жить на свете, когда есть куда бежать. Хочется заплакать, горит свет. Вера на кухне, разбила две тарелки, рассыпала муку, сожгла полотенце. Бегу по ступенькам, все ближе и ближе, вот она дверь, двадцать седьмая, а за дверью дым.

Верка в слезах, забыла купить хлеб, пересолила фарш, стерла левую ногу.... Как же сладко в груди, где-то в животе, там живет мое счастье. Хочу пропахнуть дымом, выпить Веркины слезы, съесть соленые котлеты без хлеба, разносить эти туфли....

Хватаю ее за ногу, целую в натертое место, зачем покупать на размер меньше? Челку подстригла, глаза стали еще больше.

– Вера! – говорю и прижимаю ее к себе.

Вот оно, счастье! Прижаться и стоять. Как будто ничего

большого нет, и не было никогда. Только здесь, только сейчас. Как же я ждал этого! Как же хотел вот так прижаться и забыть обо всем.

У меня нет ничего, есть только она.

В тишине

Я тишину люблю. А есть ведь такие люди, которые не могут в тишине находиться. Им то радио включи, то телевизор. То пылесос. Так ещё и людей назовут, чтобы те ходили вокруг них и разговаривали.

А я на третьем этаже живу и прекрасно всё слышу! Так, а под моими окнами то трактор туда-сюда ездит, не знаю с какой целью, то люди ходят. Да пускай бы себе ходили, так они же идут себе, идут, и вдруг встретятся! И нет бы, в помещение пройти, они встанут под моими окнами и разговор заведут.

А мне может, неинтересны их беседы, противны просто! Я может, к себе прислушаться хочу, мысли свои понять. Как жить дальше? К какому идеалу стремиться? Есть ли вообще смысл? Смогу ли?

Вы посмотрите, сколько вопросов! А под окнами моими никто такие вопросы не задаёт! Я бы рад какой совет услышать, но нет. Людей другое волнует. Какой водой дрожи заливать, как с сорняками бороться, где мужа три дня носило?

Разве это должно волновать? Да мне страшно! Я и к врачу обращался и ихтиолку пил на ночь и масло маками втирал. Ну ничего не помогает! А окна закрою, мне душно.

А один раз я сдержаться не смог. Прямо из окна им и говорю.

– Вы, – говорю, – гражданочки домой бы шли. У вас там мужья, дети. Забыли?

А они головы вверх подняли, не поймут, откуда голос.

– Да-да! – говорю я ещё громче. – Мужья пришли с работы, где же жены? Где на плите вареная морковь? Где жареное мясо, макароны? В конце концов, где первая любовь?

Вижу, гражданочки послушались и пошли себе домой. Так и правильно! И нечего без дела болтаться. А мне так радостно стало! Я сел себе в тишине, сижу, думаю. Как, думаю, развивать в себе такие качества советского человека, как устойчивость к алкоголю, верность своим идеалам, принципиальность, неподкупность, решительность....

Вдруг снова какие-то голоса. Я сразу к окну и из окна им говорю.

– Все женщины чистят картошку, – говорю. – Все женщины моют полы! Готовят бульоны, окрошку, в духовке пекут пироги.

Смотрю, гражданочки по сторонам оглядываются, не поймут, откуда голос.

– Все женщины яйца взбивают! – торжественно продолжаю я. – Все женщины хворост пекут, они как никто понимают, зачем в этом мире живут.

Смотрю, гражданочки заторопились, наконец, и по домам стали расходиться. А мне только этого и надо! Я снова сел себе в тишине, и сижу, думаю. Как, думаю, так научиться жить, чтобы перед самим собой стыдно не было. А ведь так

стыдно порой бывает, что не знаешь даже, достоин ли ты человеком называться...

Вдруг снова какие-то звуки. Я к окну.

– Проходи, товарищ, не задерживайся! – говорю. – Тебя должно быть дома ждёт семья!

Смотрю, два гражданина внизу стоят и на меня прямо смотрят. А я не растерялся.

– А жены ждут и скучают, – говорю я трагически. – А жены варят обед! Они борщи наливают и жарят по десять котлет!

А эти два гражданина переглядываются и с места со своего не сдвинутся.

– А жены тесто заводят! – говорю я с надрывом. – А жены полы метут! Что ж мужья-то никак не приходят? Что ж мужья-то никак не идут?

Смотрю, эти два гражданина вспомнили, наконец, что дома их семьи ждут и поспешили скорей к своим малюткам. А я снова сел в тишине и сижу, думаю. И так задумался крепко, что даже разговоров никаких не слышал.

А может, поняли все, что останавливаться нельзя.

Что домой идти надо!

Внутренний голос

Я слышал, что у женщин есть какой-то внутренний голос. А я думаю, откуда? Да и зачем? У них свои голоса, да такие, что не знаешь, куда бежать порой. Что делать.

Ира моя как скажет что-нибудь, так хоть из дома беги. Или к себе всех зови. А если бы еще внутренний голос говорил? Что бы было? Мы вчера с Ирой чай пили. Сидим, пьем, а мне весело по утрам. Знаю же, что целый день на заводе буду. Среди товарищей своих.

Что не радоваться? Да я поскорей думаю из дому убежать, и в раздевалке оказаться. Собираюсь, значит, одежду ищу, а Ирка рубашку схватила и стоит в руках ее мнёт.

– Сережа, – говорит, – не ходи на работу. Позвони Федору Афанасьичу, скажи, что ты заболел. Или давай я позвоню, где телефон?

– Ира, – удивляюсь я, – да ты что? Да как заболел, если я здоров, как бык и меня товарищи ждут.

– Сережа, – говорит она, и носки у меня отбирает. – Послушай меня, хоть раз в жизни! Давай я позвоню, скажу, что температура у тебя, ангина, радикулит, смещение позвонков. Я не знаю! Отравление, в конце концов. Ты же можешь грибами отравиться, Сережа! Ну не ходи ты сегодня на работу! Прошу тебя!

– Ира, – смеюсь я, – да что со мной может случиться? Да я

недавно только технику безопасности сдал.

– Сережа! – умоляет она. – Я прошу тебя, – и чуть ли не плачет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.